

Татьяна
АЛЮШИНА

Все лики
любви

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *Н. Каптыркиной*

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Все лики любви : роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-238902-3

В юности Вера пережила иссушающую страсть, больше всего похожую на тяжелую изнурительную болезнь. С тех пор в ее сердце словно выжгли дыру, и отношения с мужчинами никак не складывались. Так продолжалось до того момента, пока Верочке не встретился действительно ее человек. Но можно ли ожидать от него ответного чувства, если между ними не только груз прожитых лет, но и разница в социальном положении?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-238902-3

© Т. Алюшина, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Что она здесь делает?! Это безумие какое-то!

Ей казалось, что все вокруг нереально, взято из навязчивой дешевой фантастики, словно она провалилась в пространстве и времени и нет хода назад. Словно она вынуждена проживать чью-то чужую жизнь в другом, далеком времени!

Ей сделалось вдруг по-настоящему страшно! Очень!

Она навалилась грудью на край окопа и смотрела, как бегут по полю, удаляясь и становясь все меньше и меньше, фигурки в зеленой разномастного оттенка форме — у кого-то темно-зеленая, новенькая до хруста, а на ком-то словно старая, цвета выцветшей горчицы — и некоторые из этих фигурок падают на землю и уже не поднимаются. Смотрела и вжималась телом и левой щекой в бруствер окопа при каждом взрыве, прикрывая голову ладонью поверх форменной пилотки со

звездочкой и наливаясь внутри каким-то тяжелым страхом, которого никогда не испытывала.

Мама дорогая! Зачем, для чего она здесь?!

До нее доносились удаляющиеся крики «ура-а-а!», заглушаемые безостановочными взрывами, и на какое-то мгновение ощущение провала во времени усилилось, и показалось, что она и на самом деле на той войне, и нет никакого выхода из нее, и все смертельно реально. Пришлось даже головой сильно потрясти, чтобы немедленно выскочить из этого ужасающего ощущения и напомнить себе, что все это понарошку. Ну, не совсем понарошку...

Ее бы сейчас сфотографировать в этой красочной позе с согнутыми коленками, отключившую пятую точку и вжимающуюся грудью и щекой в окопную насыпь. Сфотографировать и поместить на предупреждающий плакат: «Люди, будьте бдительны — вот к чему приводит чрезмерное чувство благодарности!»

А куда деваться, ну не смогла она отказать Виктору Аркадьевичу!

И как откажешь, если он ее благодетель, учитель и наставник?

Он — гениальный хирург и ее непосредственный начальник, а она ему на самом деле ну очень многим обязана. Ну что делать, есть у него некий пунктик, увлечение всей жизни: с детства изучает Виктор Аркадьевич Васильев историю Великой Отечественной войны, известные и малоизвестные бои и сражения, людей того времени, оружие, события. И посвящает этому все свое свобод-

ное время, которого, надо отметить, у него совсем немного. На раскопки с поисковыми группами, правда, бог миловал, не ходил, это уж перебор для столь занятого человека, но вот в исторических реконструкциях сражений несколько раз участие принимал с большим душевным воодушевлением.

В этом году перед Днем Победы, в первых числах мая, намечалась самая масштабная реконструкция одного из сражений Великой Отечественной войны из всех, какие только проводились до сих пор! Не меньше пятисот участников, полная, выверенная историческая достоверность во всем: в вооружении, обмундировании, атрибутах, деталях и вещах того времени. Некоторые будут выступать в ролях реальных людей, тех, кто на самом деле принимал в этом сражении участие.

Специально проводилась огромная поисковая и подготовительная работа по изучению всех деталей того далекого сражения. Сделали сайт в Интернете, куда могли присылать воспоминания ветераны, и рекламу серьезную давали. Мероприятие финансировали и собирались снимать сразу несколько телевизионных каналов, и еще какие-то документалисты, немецкие в том числе, а также киношники — для художественного фильма про войну. Ну и другие спонсоры имелись. Словом, народу участвовало и работало над воплощением замысла несколько тысяч, настолько он разросся по мере подготовки и стал грандиозным.

Вера бы с удовольствием послушала об этом из уст Васильева — вот честное слово! — он умел

красочно и хорошо говорить и так увлекался собственным рассказом, посверкивая глазами и жестикулируя, углублялся в интересные детали, что неизменно завораживал всех слушавших. Она бы и по телику посмотрела, что там наснимут, и видео в Инете в поддержку повествованию посмотрела – с большим чувством на теплом диванчике дома. Да только у провидения имелись свои расклады на этот счет.

Случилось так, что любимая жена и соратница Виктора Аркадьевича Елена Максимовна, которая мудро поддерживала и разделяла все увлечения мужа и ездила с ним на каждую реконструкцию, за несколько дней до мероприятия сломала ногу, ну буквально на ровном месте неудачно наступив на камень, и, понятное дело, принимать участие в этой постановке уже не могла.

Васильев ринулся искать ей замену, уговаривая женщин-коллег. Больничные дамы от перспективы изображать санинструктора ВОВ, ползать на брюхе по полю сражения, перевязывать «раненых» и исторически достоверно тягать их в окопы, не то что отказались, а категорически отказались, чуть ли не со справками доказывая, что не имеют такой физической возможности, и прятались от разъяренного Виктора Аркадьевича по углам.

Но у нас же есть Вера!

Она Васильеву отказать не могла, даже если б он предложил ей слетать на Луну или, скажем, на Марс какой, в качестве научного эксперимента, а вот спрятаться не успела – не шустря оказалась в этот раз. Была застукана и нежно уговорена:

— Верочка, я тебе три выходных дам! — начал со «взятки» Васильев. — Полтора дня на сражение, утром туда, на следующий день днем обратно, и еще полтора дня свободных. Выручай, Верунчик! — закончил он просьбой.

Без вариантов. Совсем ранним утром следующего дня, просто неприлично ранним, в пять утра, она досыпала на плече у Васильева, сидя в автобусе, увозившем их куда-то километров за двести от Москвы, и на каждой дорожной колдобине, сквозь дрему, вяло поругивала себя за неосторожность в «прятках».

И вот теперь, на месте, прижимаясь к стенке настоящего окопа, трясется от совершенно непостижимого и непонятно откуда взявшегося страха.

Все это может показаться смешным и нелепым, но, черт побери, как же правдоподобно! Вот честное слово — до жути!

Та война, те эмоции, чувства, сила внутреннего напряжения так не соединялись с изнеженным, размякшим и разбалованным современным человеком, что не получалось даже представить его в тех обстоятельствах, в тех событиях, в ситуации тех жизненных выборов!

Вера думала, что ей, человеку нынешнего времени, не удастся постичь разумом, как могли солдаты заставить себя подняться из окопов и шагнуть навстречу смерти! Такой очевидной и неизбежной, смрадно ухмыляющейся в лицо!

Как они себя пересиливали?! Сделать этот шаг значило сломать в себе самое главное человеческое чувство самосохранения! Здесь, в окопе, еще

была жизнь и какое-то укрытие, пусть хлипкое и условное, но все же укрытие, а там, впереди — только смерть! Явная беспросветная — смерть! И они знали это, чувствовали всеми обострившимися инстинктами — и шагали вперед!

Как, каким усилием воли они выкидывали свои тела из окопов навстречу пулям и разрывам снарядов! Непостижимо! Этот каждодневный героизм поражал! Наверное, они были другими: сильней, что ли, чище, глубже...

И ладно, где-то можно допустить и понять этот подвиг, пусть и не до конца, а скорее чисто теоретически, понять мужчин, защищавших свою землю, семьи, дома, но девчонки-медсестрички?! Они-то как?!

Под пули и дождь осколков!

Вот, например, Вера сидит в окопе, вырытом в полный профиль, как называют это военные. Она точно знает, что все, что сейчас с ней происходит, не взаправду — и пули не свистят «у виска», потому что холостые патроны у всех, и снаряды не рвутся смертоносным железом, потому что все взрывы киношные, бутафорские, и у каждого участника есть карта, где отмечены места закладки снарядов и проходы между ними, и самолеты не бомбят, хоть и летают низенько и бросают какие-то болванки, которые жутко воют, и танки утробно бабахают холостыми... Знает, но ее все равно трясет от страха, холодным комом застрявшего где-то в животе, потому что эта реконструкция, чтоб ей пусто было, оказалась невероятно правдоподобна!

А самое поганое, что вот сейчас ей придется вылезать из окопа и бежать по полю, согнувшись в три погибели, в поисках «раненых». По плану, когда волна наступавших солдат ушла вперед на определенное расстояние, санинструкторы приступали к своей работе, все действия выверены детально по времени.

— Медсестрички, на исходную! — раздалось в наушнике так неожиданно, что она аж вздрогнула.

Ах да, от переживаний и слишком сильных эмоций, так странно непредсказуемо накрывших с головой, она забыла про рацию. Их раздали тем, кому были отведены роли командиров, и медсестрам. Медсестрам для того, чтобы сообщали, если понадобится настоящая помощь — мало ли, кому плохо стало или травмируется кто. Действие-то и на самом деле получилось грандиозным — им руководили режиссеры-постановщики, их многочисленные помощники, всяческие технические службы и большое количество военных консультантов.

Баталия, одним словом. И танки были, много, она не считала сколько, и самолеты, и все времен войны — абсолютная историческая достоверность.

Если честно — впечатляло!

Ее вон даже проняло до страха и почти реального ощущения провала во времени. Надо же! Никогда такого с ней не было! И чтобы прямо вот так, страшно!

Вера посмотрела на рацию в руке, порадовавшись, как родному, этому совершенно современ-

ному девайсу, вид которого немного отрезвил и успокоил разгулявшуюся не в меру фантазию.

— Девочки, пошли! — раздался громкий приказ из рации.

— Мама дорогая! — пожаловалась в пространство Вера и полезла из окопа.

Вот, как на духу! — она бы лучше храбро посидела в тылу!

Весьма неэстетично полезла, как-то враскорячку, несколько раз сползая коленками с высокой для нее насыпи, елозя по влажной, холодной земле кирзовыми сапожищами. Кстати, для этих целей, то есть для быстрого выскакивания из окопчика по команде «в атаку!», имелась небольшая приступка чуть дальше, метрах в трех от того места, где ковырялась неуклюжей гусеницей Вера, пытаясь вылезти. Но в своих переживаниях она совершенно об этом забыла, хотя «командиры» и предупреждали всех о «ступенечке», а Вера наблюдала, как выскакивают солдаты. А вот сейчас забыла. Но вылезла. Ругнулась про себя не матерно, а так, влегкую, поправила на боку тяжеленную брезентовую сумку с красным крестом в белом круге и, согнувшись в три погибели, на полусогнутых побежала под условным «градом пуль» к лежавшим впереди «телам».

Минут через десять таких перебежек и перелазов по земле от «раненого к убитому» Вере уже вовсю и всерьез хотелось материть нерадивых придурковатых режиссеров, снимавших кинематографические «шедевры» про войну, в которых

медсестрички бегают по полю боя в узких юбочках чуть ниже колен, в светленьких чулочках и в ладненько сидящих хромовых сапожках. Ах да, не забыть про расстегнутую до ложбинки меж девичьих грудей гимнастерку! Почему-то именно эти неизвестные «творцы» вызвали в данный момент поток ее праведного возмущения, и очень хотелось навалить хотя бы одному из них! Желательно по морде! А за «талант»!

Вера хоть и согласилась на навязанное в последний момент патриотическое мероприятие, но просто так, на дурнину, не разобравшись в материале, ни за что бы не поехала!

Будучи человеком обстоятельным и дотошным, она к любому делу, за которое бралась, подходила серьезно и вдумчиво, стараясь собрать о нем как можно больше информации. Поэтому и просидела весь вечер и полночи в Интернете, так, что еле глаза разлепила к пяти-то утра, но довольно много смогла почерпнуть и о самом мероприятии, о серьезной подготовке к нему, ну и о будущей роли санинструктора, конечно. Прочитала в мемуарах воспоминания ветеранов о тех девочках и воспоминания самих «девочек», спасавших жизни бойцам.

Вы знаете, что большая часть из молоденьких санитарок, из тех, кто остался в живых, не могли иметь детей, надорвались, таская непосильно тяжелые тела раненых?.. Кстати, наша великая актриса Быстрицкая тоже одна из тех полевых медсестричек.

Так вот, какие юбочки?! Бред!

Ползать по перепаханному взрывами полю, усеянному осколками от снарядов, гильзами, землей вперемешку с кровью и частями тел, в юбке и чулочках?!

Им выдавали такую же форму, как и мужчинам — гимнастерка, галифе и нижнее белье — рубашка и кальсоны. И сапоги на несколько размеров больше, не было маленьких размеров, особенно в начале войны. Женская форма с юбками появилась ближе к середине войны, и обмундировывались ими в основном штабные и госпитальные женщины, тем же, кто непосредственно участвовал в боевых действиях, такая форма выдавалась только в качестве парадной. А так — подгоняй под себя, как сможешь, и носи. Они лифчики из кальсон сами шили, не предусмотрены были эти атрибуты женского туалета.

Это в теплое время года, а осенью-весной — ватники и ватные форменные штаны! Вот и вся эстетика! Для ползания на брюхе самое то, это Вера сразу поняла! Им-то как раз ватный вариант формы и выдали — исподнее с завязками, гимнастерка и галифе горчичного цвета, а сверху такого же цвета ватник, и все это застегивается широким армейским ремнем, ну и пилотка на голову, а как без нее. Весна нынче выдалась холодная, затяжная. В первые дни мая, хоть и припекает иногда солнышко, земля влажная, холодящая, и ветерок поддувает совсем не весенний, словно кусает, так что экипировка самая подходящая.

Сумка оказалась очень тяжелой — перевязочного материала с большим избытком, обеззара-

живающие в виде перекиси и йода, самый простейший шивной инструмент тоже имелся, но скорее в виде обязательного атрибута, и кое-какие препараты первой помощи на всякий случай. Из серьезных обезболивающих тогда пользовались старыми стеклянными шприцами, наполненными морфием, с уже надетой иглой, помещенными в специальные небольшие длиненькие железные стерильные контейнеры, санинструкторы носили их во внутреннем кармане ватника. Вера с другими девочками, также исполнявшими роль медсестричек, организаторы показали эти контейнеры, когда проводили инструктаж, правда, в виде экспоната, давать ценную вещь в руки не стали, да и надобности не было. Их применяли только в случае совсем тяжелых ранений, каковые в их постановке не предполагались. Тьфу-тьфу-тьфу три раза!

Зато им раздали свистки! Вера с удивлением узнала, что санинструкторы подавали звуковой сигнал «Медсестра на поле», чтобы раненые ее к себе подзывали. Оказалось, это гораздо эффективнее, чем кричать, — во-первых, звук свистка лучше и дальше слышен, а во-вторых, раненые часто голос сестрички принимали за галлюцинацию или голос любимой. Вот так!

Изображавшим погибших и раненых солдат мужикам было скучно валяться посреди поля боевого, и они тихо переговаривались между собой, травили анекдоты, кто-то, пряча в кулаке сигарету, курил, хоть организаторы запрещали это. Понятное дело, что появление санинструктора

в лице Веры принесло страждущим разнообразие во времяпровождении и стало прекрасным развлечением.

— Сестричка, — наигранно стонал первый, к которому она подползла. — У меня ранение ниже живота! Ой, болит, болит! Сестричка, посмотри, что там, помоги!

— Сейчас, милый, потерпи, — нежно «успокаивала» она, и даже по голове сердобольно погладила бойца, «подбитого врагами», и пообещала: — Сейчас жгутик наложу, и все пройдет. Навсегда пройдет и больше тревожить не будет.

— Га-га-га! — заржали мужики вокруг.

— Что у вас? — спросила она шутника.

Устроители четко распределили все роли в общем сценарии, и каждому «поверженному» в атаке выдали листок, в котором было написано, когда и где падать, кто убит, а если ранен, то куда и насколько тяжело. В зависимости от этого Вера и остальные сестрички должны были оказывать «помощь».

— Убит я, сестричка, — вздохнул мужик, вернее парень лет тридцати, веселый такой, подмигнул и добавил еще более горестно: — А жаль! Такая красотка меня бы сейчас перевязывала.

— Я ранен! Сильно ранен! — радостно прокричал кто-то справа. — Меня перевяжи, сестричка!

— Жгутик не надо? — не удержалась Вера от подначки «убитого».

— Спасибо, сестричка, обойдусь, — рассмеялся парень.

А Вера, скрючившись, пригнувшись, как учили, побежала к радостно объявившему себя раненым солдату. Под бодрые комментарии, шутки и похохатывание «близлежащих» бойцов она перевязала трех не смертельно «раненных», поразившись, что остальные десять «убиты». Это что, в каждом бою были такие потери? На трех живых десять мертвых? Ужас какой-то беспросветный!

Надо сказать, что медсестры в войну не таскали с поля всех подряд, имелись четкие предписания и инструкции по этому поводу — если просто объяснять, примитивно, то: когда боец ранен не тяжело, но не может двигаться, такого перевязывали и оставляли ждать санитаров, если смертельно, тоже перевязывали и оставляли на месте, а если тяжело, но был шанс на выживание, вот таких девочки и выносили.

Мужики балагурили, а что им еще делать, а она бегала между ними, ползала, что тоже требовалось все по тому же сценарию, переворачивала их совсем не худенькие тела и перевязывала, отшучиваясь между делом, а порой и жестко обрывая, когда шутки становились скользкими.

Остановилась, осмотрелась, куда дальше двигаться, сверилась с выданной ей индивидуальной картой. Перед Верой оказалась небольшая возвышенность, не холм, не насыпь, ну что-то вроде бугра какого метра в два высотой, но довольно широкого. Надо было его обойти, вернее, обежать в согнутом положении метров десять, не меньше. За ним виделись «тела», но довольно далеко, а здесь, с этой стороны холма, она уже всех осмотрела.

Вера махнула провожавшим ее репликами и шутками мужикам и быстро, уже практически сноровисто, подучилась, видать, побежала за холм.

Она уже порядком устала, и ее немного мутило от сильного запаха земли и пороха пиротехники. В этом месте, где находился отведенный ей по распределению ролей участок, почему-то много взрывали, перепахав большую часть дикого поля.

У Веры имелась устойчивая малоприятная ассоциация — ей казалось, что свежая земля, вырванная отвалом из поля, чуть влажная, еще теплая, парящая, пахнет кровью. Это ощущение закрепилось в мозгу в раннем детстве. Мама рассказывала, что, когда они гостили в деревне у родственников Вериного отца где-то в Краснодарском крае, однажды пошли посмотреть, как пахут поле, а отец через пашню отправился поздороваться с трактористом, которого знал, наступил на что-то острое в земле и сильно порезал ногу. Мама говорила, когда они подбежали к нему, маленькая Верочка застыла, словно остолбенела, и так стояла и смотрела, как на черный, жирный чернозем текла алая кровь, и что девочка так испугалась, что потом целые сутки ни с кем не разговаривала.

Вера ничего этого не помнит. Только каждый раз поражается — удивительно работает человеческий мозг — с кровью она сталкивается каждый день и никаких отрицательных или пугающих эмоций ни ее вид, ни запах у Веры не вызывают, а вот свежевспаханная земля — наоборот.

Мы все состоим из таких вот ассоциаций, закрепившихся в нашем мозгу сильными эмоциями и переживаниями, как правило, в детстве, и формирующих нас. Это из области той индивидуальной, потаенной скрытой ткани личности, по большей части не осознаваемой самим человеком.

«Господи, о чем я думаю?» — поймала себя на этих отвлеченных размышлениях Вера, заворачивая за уступ холма. День сегодня уж очень странный, вот и перепутались слишком реальные картинки прошлого, прямо гипнотически затягивавшего в себя, вот и пугает земля эта, перепаханная взрывами!

Мужика, одиноко лежавшего под склоном холма-бугра, она заметила не сразу — обзор перекрывали небольшие кустики в ярко-зеленых малюсеньких листиках, и его новенькая темная форма служила прекрасным фоном для этих изумрудных росточков.

Почему-то он оказался тут в одиночестве — с того склона холма, откуда она прибежала, «бойцы» остались метрах в пятидесяти, а то и больше, и их и не видно было за холмом. С этой стороны, откуда открывалась панорама всего поля, уходящего вниз под небольшим уклоном, «поверженные» солдаты находились далеко впереди. Странно. Скорее всего, солдат от «пуль» как раз этот холм прикрывал, и атакующие двигались под его прикрытием, а этот «командир», судя по его форме, наверное, прямиком через бугор направился. Черт знает, она не стратег, чтобы раз-

бираться, кто, как и зачем тут бегал, значит, так задумано было.

Она его услышала! Услышала кашель и сип странный!

И в один момент Веру резко переключило — от всех мыслей про ужасы той войны, про искреннее сочувствие тем далеким медсестричкам, про идиотов режиссеров, снимавших дешевые фильмешки, про свой удививший ее необычайно страх попадания в прошлое, про запах земли и отвлеченные рассуждения по психологии и про то, что ноги-руки от беганий и ползаний уже изрядно побаливают — все! Резко выключило!

Все! В секунду, как щелкнул кто-то выключателем, — на полную собранность, четкость мыслей и профессионализм. В ту секунду, когда она услышала, как кашляет и сипит этот мужчина!

Он лежал на боку, с закрытыми глазами, подкашливал и все пытался вдохнуть поглубже, что только вызывало новый приступ кашля и сипения.

— Не надо! — строго сказала Вера и опустилась перед ним на колени, перебросив сумку со спины к себе на бедра. — Осторожно, не пытайтесь дышать полной грудью. Давайте-ка мы вас перевернем и посмотрим, что у вас тут случилось, — перешла она на нежненький уговаривающий тон.

Молодой мужчина, ну близко к тридцати где-то, сейчас трудно было определить его возраст по лицу, искажившемуся от боли и какого-то мальчишеского недоумения, открыл глаза и посмотрел на Веру вполне осмысленно, попробовал

улыбнуться и что-то сказать, но зашелся мелким таким хеканьем и попытался сплюнуть.

— Сейчас! — Вера выхватила из сумки кусок ваты, поднесла к его рту.

Кровь! Вашу маму!!

Услышав его, еще не видя, она подумала, что, может быть, ушиб грудной клетки сильный или сердечный приступ — такое бывает. Инфаркты, предынфаркты часто дают симптоматику и клиническую картину совсем иного заболевания — отравления, например, или кашель, да много чего! Но увидев кровь на куске ваты...

— Сейчас мы осторожненько перевернемся на спину, — тоном уговаривающей ребенка мамы принялась пояснять она, — и не пытайтесь разговаривать, вот посмотрим, что с вами случилось...

Он был одет в офицерскую гимнастерку, перевязанную ремнем и портупеей, Вера сноровисто перевернула мужчину на спину... и замерла на мгновение, отказываясь верить тому, что увидела!

На левой стороне груди на гимнастерке выпячивалась своей невозможной реальностью небольшая дырочка, вокруг которой натекло немного крови, казавшейся на темно-зеленом полотне почти черной.

— Тихо! — на автомате остановила она парня, предпринявшего попытку что-то сказать, и повторила: — Тихо, не надо разговаривать. Дышите медленно, коротко, по чуть-чуть.

Доигрались в войнушки! Вера быстро достала из сумки большие ножницы, расстегнула его ре-

мень, разрезала гимнастерку, распахнула ее и несколько секунд все-таки рассматривала небольшую дырочку у него на груди — пулевое ранение.

Пулевое, вашу мать, ранение! Левого, черт побери, легкого, на три пальца ниже сердца! Доигрались! Дореконструировались!

Она осторожно перевернула раненого на бок.

— Потерпи, милый, надо посмотреть, — перейдя на профессиональный, почти гипнотизирующий спокойствием и обещанием, что все будет хорошо, тон, попросила она.

Выходного отверстия на спине нет. Так! Кровохарканье — значит, легкое точно повреждено. И дышит он часто и поверхностно. Парень снова начинает кашлять, и она отчетливо видела, как в дырочку подсасывает воздух, с мерзким таким присвистом.

Б... берлинский театр! У мужика открытый пневмоторакс! Трындец!

А ему стремительно становилось хуже — кровавая пена пузырилась в уголках губ, и он снова принялся подкашливать.

— Держись! — попросила она его, торопливо соображая, что делать.

Что делать?! Парню операция нужна была еще полчаса назад! Ну, операцию она ему обеспечит, главное — вытащить его отсюда и желательно живым, а для этого...

Она быстро принялась шарить в недрах санитарной сумки. Вот как раз для такого случая ни черта в этой сумке и не было предусмотрено, но Вера кое-что на ходу сообразила!